

Тхостов А.Ш., Рассказова Е.И. Психодиагностика мотивации идентификации в подходе психологии телесности: дифференциация модусов обладания и принадлежности

ТХОСТОВ А.Ш., РАССКАЗОВА Е.И. ПСИХОДИАГНОСТКА МОТИВАЦИИ ИДЕНТИФИКАЦИИ В ПОДХОДЕ ПСИХОЛОГИИ ТЕЛЕСНОСТИ: ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ МОДУСОВ ОБЛАДАНИЯ И ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

English version: [Tkhostov A.Sh., Rasskazova E.I. Psychodiagnostics of motivation for identification within the body function regulation model: the differentiation of possession and belonging](#)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия

[Сведения об авторах](#)
[Литература](#)
[Ссылка для цитирования](#)

Интерес исследователей к процессу формирования идентичности и ее изменчивости в современном мире делает актуальным вопрос о мотивационных основах идентификации. В данной работе на основе подхода психологии телесности к идентичности и эмпирического метода выявления ведущих мотивов идентификации [Vignoles et al., 2006] предпринята попытка обосновать и дифференцировать переживания обладания и принадлежности в отношении объектов, включенных в идентичность человека (в его описании того, «кто Я»). Цель работы – эмпирическая дифференциация переживаний обладания и принадлежности при конкретных идентификациях, а также выявление их связи с важностью и отношением к этим идентификациям, другими особенностями идентификации и психологическим благополучием. Выдвигается следующая гипотеза: переживания обладания и принадлежности, стоящие за конкретными идентификациями, являются двумя независимыми предикторами их субъективной важности для человека и по-разному связаны с особенностями идентификации (в частности, со страной и семьей) и психологическим благополучием. Испытуемые – 227 человек в возрасте от 16 до 65 лет, заполнили модифицированный вариант методики «Кто Я?» с дополнительной оценкой мотивов идентификации, а также шкалы *ценности и достижения общей идентичности, слияния идентичности и идентификации* (на примерах семьи и страны), *Утрехтскую шкалу управления выбором идентичности, шкалу субъективного счастья и опросник выраженности психопатологических симптомов*. Анализ связи функций конкретных идентификаций с их субъективной значимостью для человека позволяет дифференцировать относительно независимые модусы обладания и принадлежности как мотивационные основы идентификации. При этом просоциальные мотивы, связанные с переживанием принадлежности, нужности и получением помощи и поддержки, более тесно связаны с важностью идентификаций, нежели мотивы, задающие стремление к управлению собой и событиями. Показано, что при скрининговой диагностике может быть использована упрощенная процедура оценки одного ключевого (субъективно наиболее важного) ответа на вопрос «Кто Я?», хотя она и несколько менее точна. Модус принадлежности связан с психологическим благополучием, позитивными эмоциями и социальным признанием, модус обладания не менее важен для человека. Независимо от стремления к принадлежности, стремление к обладанию связано со значимостью и центральностью конкретных идентификаций, завершенностью, целостностью и развитием идентичности. Оба модуса не связаны с идентификацией со страной и семьей по типу самокатегоризации, но связаны со слиянием идентичности (в случае обладания – только со страной). Результаты обсуждаются в контексте

возможностей подхода психологии телесности к идентичности в дифференциации различных вариантов идентификации личности.

Ключевые слова: мотивация идентификации, подход психологии телесности к идентичности, обладание и принадлежность, модификация методики «Кто Я?»

Современный этап исследования идентичности личности характеризуется интересом к ее развитию, динамике, изменчивости – интересом, раскрытие которого, по мнению все большего числа авторов, требует описания особенностей психологического хронотопа [Марцинковская, 2015], который становится «точкой сборки» идентичности личности [Емелин и др., 2018]. Трансформации времени и пространства, неопределенность и нестабильность, технологические и информационные вызовы задают специфический контекст, в котором человек ищет и определяет себя сегодня, что позволяет проводить параллель между социальными трансформациями идентичности и клиническими феноменами, обсуждаемыми в терминах фрагментации и расщепления [Соколова, 2014].

Исследование формирования идентичности ставит вопрос о тех общих процессах, которые стоят за ним и направляют его – по сути, вопрос о мотивационных основах идентификации [Vignoles et al., 2006]. Теория социальной идентичности рассматривает в качестве таких оснований процессы самокатегоризации и самоулучшения [Turner, Reynolds, 2010; Hogg, Reid, 2006]; теория самоверификации – процесс самоверификации как подтверждение видения себя в мире [Swann, 1983; Swann et al., 2009]. Эмпирические данные в поддержку обоих подходов позволяют, с одной стороны, говорить о *полимотивированности* процесса идентификации [Vignoles et al., 2006], а с другой стороны, предполагать, что речь идет о содержательно разных процессах идентификации [Емелин и др., 2012]. Рассмотрим оба направления рассуждений подробнее.

Разные работы указывают на важность позитивной самооценки, целостности (устойчивости), стремления к смыслу, принадлежности группе, отличия от других и самоэффективности в выборе человеком объекта для идентификации [Vignoles et al., 2006]. Хотя, с нашей точки зрения, список этот крайне неоднороден в отношении уровня обобщения, В.Вигнолес и коллеги предложили остроумный эмпирический способ выявления ведущих мотивов в процессе идентификации. Человек выбирает в своей жизни множество идентификаций – и те, которые удовлетворяют его истинным мотивационным стремлениям, должны становятся центральными для него, то есть более значимыми психологически и чаще актуализированными. Значит, если попросить его назвать свои идентификации (например, в варианте методики «Кто Я?»), а затем оценить их важность и то, насколько каждая из них дает человеку позитивную самооценку, смысл, чувство принадлежности и т.п., можно статистически выявить те мотивационные стремления, которые являются для этого человека ведущими. Эмпирические данные показали, что более важным в процессе идентификации является обеспечение самооценки, целостности отличия от других и смысла, тогда как переживания принадлежности группе и своей эффективности были важны, но не напрямую, а косвенно – через их связь с готовностью действовать в соответствии со своей идентичностью и самооценкой. С нашей точки зрения, здесь важна оговорка в отношении понятия полимотивированности. В соответствии с замечанием Д.А.Леонтьева [Леонтьев, 2006, с. 5] о полимотивированности деятельности в работах А.Н.Леонтьева: «Это означает не то, что одна деятельность имеет несколько мотивов, а то, что в одном мотиве опредмечиваются, как правило, несколько потребностей в разной степени. Благодаря этому смысл мотива является сложносоставным и задается его связями с разными потребностями». Мы предполагаем, что это верно и в отношении процесса идентификации: его мотивация воплощает несколько различных потребностей, нередко недостаточно осознаваемых человеком. Однако их побуждающая сила будет тесно связана с оценкой конечных идентификаций, отношением человека к ним. Проводя аналогию с разделением смыслообразующих мотивов и «мотивов-стимулов» [Леонтьев, 1977], лишь те идентификации, мотивация которых воплощает важные для человека потребности, а не только побуждает его к некоторой деятельности, будут восприниматься им как значимые для него. На эмпирическом уровне анализа, поддерживая предложенный В.Вигнолес и коллегами способ выявления мотивационных основ идентификации, мы настаиваем на важности использования лишь теоретически однородных вариантов таких основ в исследовании (например, готовность действовать и самооценка выглядят качественно

разными проявлениями идентификации). К сожалению, сложные иерархические связи между разными мотивационными основаниями, если те относятся к разным уровням обобщения, рискуют исказить результаты любого исследования так, что лишь «проксимальные», непосредственные предикторы окажутся важны, тогда как эффекты опосредствования могут быть утеряны, что приведет к артефактам. С нашей точки зрения, теоретической основой в выделении однородных вариантов может стать подход к идентичности в психологии телесности [Емелин и др., 2018]. По аналогии с формированием телесности как «моей», «принадлежащей мне» подход предлагает рассматривать процесс идентификации как дающий человеку переживание «это я», самоидентичности через переживание контроля – предсказуемости, управляемости происходящим. Такие проявления, как самооценка, готовность к определенным действиям ради группы или ради своих ценностей, стабильность, уверенность, целостность, являются скорее следствиями любой идентификации, идя «рука об руку» с переживанием контроля. Напротив, к мотивационным основам будет относиться то, что направляет идентификацию, задавая переживание контроля. Данная работа исходит из предположения, что такие базовые мотивационные основы, вектора идентификации, могут быть описаны в терминах обладания и принадлежности.

Цель данной работы – эмпирическая дифференциация переживаний обладания и принадлежности при конкретных идентификациях, а также выявление их связи с важностью и отношением к этим идентификациям, другими особенностями идентификации и психологическим благополучием. Нами выдвигалась следующая гипотеза: переживания обладания и принадлежности, стоящие за конкретными идентификациями, являются двумя независимыми предикторами их субъективной важности для человека и по-разному связаны с особенностями идентификации (в частности, со страной и семьей) и психологическим благополучием.

Методы

Выборка

В исследовании приняли участие 227 человек (78 мужчин и 149 женщин), жители Москвы и Московской области в возрасте от 16 до 65 лет ($26,73 \pm 17,14$ лет). Из них 103 человека (45,37%) отметили, что у них среднее образование, 97 (42,73%) – высшее. В остальных случаях образование было средним специальным или неоконченным высшим. Из числа респондентов 59 (25,99%) отметили, что состоят в браке, 18 (7,93%) – в гражданском браке, 12 (5,29%) – в разводе. Остальные были холосты / не замужем. У 63 респондентов есть дети (27,75%).

Методики

Модифицированный вариант методики «Кто Я?» М.Куна и Т.МакПартлэнда [Kuhn, 1960]. Модификация [Тхостов и др., 2014] основана на представлениях теории социальной категоризации о важности учета значимости и приемлемости идентичности [Hogg, Reid, 2006] и теории идентичности [Stryker, 2007] о важности учета значимости и психологической центральности идентичности. Число ответов сокращено до 10, каждый из которых затем оценивается по шкале Лайкерта от 0 до 10 по критериям валентности («Насколько Вам нравится каждый ответ?»), значимости («Насколько часто Вы думаете, вспоминаете или что-то напоминает Вам каждый ответ?»), психологической центральности («Насколько ответ важен для Вас?») и социального признания («Как Вам кажется, согласятся ли люди, которые Вас хорошо знают, с Вашим ответом?»).

Оценка *мотивов идентификации* проводилась следующим образом. После заполнения методики «Кто Я?» респондентов просили выбрать три ответа, которые они оценили как наиболее важные, и оценить каждый из них в зависимости от того, что он дает, для чего важен: «Это дает мне...». Оценка проводилась по бинарной шкале (респондент выбирал из списка подходящие слова), а в список были включены 11 оценок, пять из которых были сформулированы для диагностики принадлежности («... Ощущение, что у меня есть что-то важное», «...Поддержку», «...Помощь», «...Переживание близости», «...Ощущение, что я нужен другим»), а шесть – обладания («...Знание, как будут развиваться события», «...Возможность контролировать других людей», «...Уверенность в других и

происходящем», «...Возможность контролировать события», «...Возможность управлять собой», «... Знание, что лучше делать в какой-то ситуации»).

Шкала ценности и достижения общей идентичности [Рассказова и др., 2015]. Выявляет субъективную оценку важности и достижения трех целей в формировании идентичности: ее завершенности и целостности, ее развития и поиска идентичности, ее социального признания.

Диагностика идентификации с конкретными группами проводилась на двух моделях – *идентификации с семьей и страной* – и включала три методики [Рассказова и др., 2016].

1. *Шкала идентификации с группой* [Mael, Ashforth, 1992] предложена для диагностики идентификации и состоит из 6 пунктов, оцениваемых по шкале Лайкерта от 1 до 7 (например, «Когда кто-либо критикует мою семью / страну, я воспринимаю это как личное оскорбление»).

2. *Шкала слияния идентичности* [Gomez et al., 2011] разработана для диагностики слияния идентичности как специфического типа формирования идентичности, при котором не происходит деперсонализации и идентификации с прототипом, а личностная идентичность и социальная как бы совмещаются. Состоит из 7 пунктов, оцениваемых по шкале Лайкерта от 1 до 7 (например, «Я един со своей страной / семьей»).

3. *Утрехтская шкала управления выбором идентичности* [Crocetti et al., 2010], позволяющая оценить приверженность выбору социальной группы (например, «Моя семья / страна дает мне ощущение безопасности в жизни»), углубление выбора (например, «Я стараюсь находить как можно больше информации о своей семье / стране») и пересмотр выбора (например, «Я часто думаю, что хорошо было бы попробовать найти другую семью / страну»).

Шкала субъективного счастья [Осин, Леонтьев, 2008; Lyubomirsky, Lepper, 1999] – скрининговая методика оценки субъективного переживания счастья.

Опросник выраженности психопатологической симптоматики SCL-90R [Тарабрина, 2007; Derogatis, Spitzer, 2000] позволяет диагностировать выраженность симптомов соматизации, обсессивности / компульсивности, тревожности, депрессивности, межличностной тревожности, враждебности, фобий, паранойяльности, психотизма, а также три индекса, характеризующих выраженность и частоту психопатологических жалоб в целом.

Методы анализа и обработки данных

Обработка данных проводилась в программе SPSS Statistics 23.0.

Результаты

Мотивация идентификации: возможности диагностики

В данном исследовании мотивы идентификаций («что дает» конкретная идентификация) оценивались по трем наиболее важным ответам на вопрос «Кто Я?». Мы предполагали, что оценки разных идентификаций будут согласованы (например, те, кто будет указывать, что первая идентификация дает ощущение безопасности, будут говорить то же и о второй и третьей идентификациях). Как показано в таблице 1, практически во всех случаях ответы зависят от того, какую именно идентификацию оценивают респонденты. Лишь в двух случаях – при ответе на вопросы дает ли идентификация «знание, что лучше делать в какой-то ситуации» и «ощущение, что я нужен другим», речь идет скорее о стабильной оценке, когда все идентификации либо дают, либо не могут дать этого человеку. Итак, надежно диагностировать мотивацию идентификации напрямую, т.е. усредняя ответы по разным идентификациям, не представляется возможным, поскольку сами ответы сильно различаются в зависимости от того, какое «Кто Я?» оценивает человек.

Косвенный путь состоит в том, чтобы выявить связь между значимостью каждой идентификации и ее оценками, поскольку идентификации, отвечающие ключевым для человека мотивам, должны

становиться со временем субъективно наиболее важными [Vignoles et al., 2006]. Индивидуальная для каждого человека ковариация между мотивацией идентификации и ее значимостью рассчитывалась следующим образом. Показатель значимости каждой идентификации умножался на каждую оценку того, что дает эта идентификация; полученные для трех ответов-идентификаций баллы складывались и делились на три. В качестве альтернативного показателя рассчитывались коэффициенты корреляции. Результаты с применением корреляций были близки результатам, полученным на ковариациях, но несколько менее четкие и на меньшей выборке (поскольку в этом случае исключаются люди, одинаково оценившие все три свои идентификации).

В среднем, субъективно наиболее значимыми для людей оказывались те идентификации, которые давали им уверенность, что у них есть что-то важное, что они нужны другим и поддержку. Наименее связаны с субъективной значимостью были возможности контроля – других людей и событий. Факторный анализ полученных ковариаций (методом главных компонент с вращением Варимакс, объясняет 59,71% дисперсии оценок) позволяет дифференцировать два модуса – принадлежности и обладания.

Модус принадлежности определяется субъективной важностью ощущения поддержки, помощи, близости и нужности, хотя ответ «ощущение, что у меня есть что-то важное» также оказался относящимся к принадлежности, а не обладанию. По всей видимости, люди понимают его в контексте принадлежности группе, например, «У меня есть семья». К модусу обладания относится субъективная важность контроля других людей, себя и событий, а также знание о том, как события будут развиваться. Надежность-согласованность по обоим модусам высока.

Чтобы проверить, можно ли ограничиться лишь оценками одной, наиболее значимой идентификации, а также выяснить, воспроизводятся ли модусы принадлежности и обладания в отношении конкретной идентификации, факторный анализ был повторен для каждой из трех идентификаций в отдельности (процент объясненной дисперсии 51,02%–68,50%). Как показано в таблице 1, несмотря на то, что каждый человек выбирал любые три своих ответа на вопрос «Кто Я?», факторный анализ по каждому из трех ответов позволяет воспроизвести ту же двухфакторную структуру с двумя модусами, и относительно согласованно оценить каждый из них. Однако следует заметить, что оценка по отдельным идентификациям дает лишь приближенную картину: так, корреляция модуса принадлежности, выявленного на основе ковариаций, с тремя отдельными оценками, варьирует $r = 0,48-0,62$ ($p < 0,01$), а для модуса обладания – $r = 0,54-0,61$ ($p < 0,01$).

Ни модус принадлежности, ни модус обладания не связаны с возрастом респондентов ($r < 0,01$ и $r = -0,10$, соответственно) и не зависят от семейного положения и наличия детей, однако показатель по модусу принадлежности у женщин выше, чем у мужчин ($t = -2,77$, $df = 230$, $p < 0,01$, $\eta^2 = 0,03$). По модусу обладания различий между мужчинами и женщинами не выявлено.

Связь модусов принадлежности и обладания с особенностями идентификации и благополучием

В данном анализе использовались факторные значения по модусам принадлежности и обладания, то есть их оценки не коррелировали друг с другом.

Как важность принадлежности, так и важность обладания (табл. 2) связаны со средней значимостью конкретных идентификаций и частотой их актуализации (психологической центральностью). Однако положительная оценка своих идентификаций и уверенность в их социальном признании характерны только для тех, кому важна принадлежность, но не для тех, кому важно обладание. Точно так же, лишь принадлежность связана с субъективным счастьем и меньшими психопатологическими жалобами. Чем более актуально человеку обладание в построении своей идентичности, тем чаще он оценивает свою идентичность и как целостную, завершенную, и как развивающуюся, совершенствующуюся. Чем более актуальна принадлежность, тем чаще он оценивает ее как принимаемую и одобряемую другими. При этом ни принадлежность, ни обладание не связаны с субъективной важностью обретения, развития или признания идентичности, но связаны с их достижением.

При большей важности принадлежности люди более склонны к идентификации с семьей и страной по типу слияния (но не по типу идентификации); при этом они более привержены своему выбору и реже думают о его изменении. Важность обладания связана со слиянием со страной.

Обсуждение результатов

Психодиагностика принадлежности и обладания в структуре мотивации идентификации. В данном исследовании сопоставлялись два пути диагностики мотивации формирования идентичности в рамках психологии телесности. Наиболее очевидный прямой путь был бы возможен, если предположить, что эта мотивация будет проявляться во всех конкретных идентификациях человека. Например, человек, которому важно чувство контроля за событиями, будет оценивать все свои ответы на вопрос «Кто Я?» как дающие ему этот контроль. Ранее было показано, что это верно для прямой оценки своих идентификаций: так, оценки того, насколько нравятся, насколько важны, насколько часто актуализируются и насколько одобряемы социально ответы на вопрос «Кто Я?» вполне согласованы и могут использоваться как общие шкалы [Тхостов и др., 2014].

Эмпирические данные свидетельствуют против этой гипотезы: за редким исключением, согласованность оценок трех своих наиболее важных идентификаций в нашей выборке низка. Иными словами, разные идентификации выполняют разные функции в жизни человека, он по-разному их использует, хотя оценивает схожим образом (как более или менее хорошие, важные и т.п.).

Косвенный способ диагностики основан на представлении, что процесс идентификации полимотивирован [Vignoles et al., 2006], но лишь те идентификации, которые отвечают ключевым мотивам, важны для человека – а значит, со временем непременно будут восприниматься или оцениваться как важные, что можно будет оценивать в многоуровневом анализе. В данной работе использовался более простой методически и статистически инструментарий: рассчитывались индивидуальные для каждого человека связи каждой функции идентификации с ее значимостью, важностью для человека. Согласно полученным результатам, ведущую роль в идентификации играют просоциальные мотивы, связанные с переживанием принадлежности, нужности и получением помощи и поддержки. В соответствии с подходом психологии телесности [Емелин и др., 2018], факторный анализ позволяет развести два согласованных модуса мотивации идентификации – связанный с переживанием причастности и взаимности (модус принадлежности) и связанный с переживанием обладания, подконтрольности, возможности предсказания и управления происходящим. С нашей точки зрения, важный потенциал такого способа диагностики – в его косвенном характере. В психологии мотивации хорошо известно, что многие стремления, которые человек оценивает, как важные для себя, остаются знаемыми, не регулируя его реального поведения [Леонтьев, 1977]. То, считает ли человек, что «в поисках себя» ищет помощи или лучшего понимания происходящего, может быть сиюминутной оценкой, желаемым, а не действительностью. Однако сопоставление субъективной важности разных идентификаций с тем, что каждая из них дает человеку, – к более точному ответу на вопрос о мотивах идентификации. Действительно важное должно проявиться в некоторой иерархии идентификаций, которая есть у человека. Воспроизводимость и согласованность полученной нами факторной структуры – дополнительный аргумент в пользу этого.

Заметим, что не только теоретически, но и эмпирически, оба эти варианта не сводятся к гендерным особенностями («фемининный» против «маскулинного» варианта) и являются скорее двумя измерениями пространства идентификации, нежели противоположными концами одного континуума. Иными словами, можно одновременно стремиться к принадлежности и обладанию, и задачей дальнейших исследований является выявление особенностей различных сочетаний этих модусов.

В пользу дифференциации модусов принадлежности и обладания свидетельствует и согласованность соответствующих ответов, и то, что они воспроизводятся при анализе сырых оценок каждой из трех идентификаций. Более того, согласно результатам, замена статистической диагностики оценками единственной, но наиболее важной для респондента идентификации, дает близкие показатели принадлежности и обладания, хотя и, разумеется, значительно менее точные. Это означает, что в скрининговой диагностике можно использовать упрощенную процедуру оценки одного ключевого

ответа на вопрос «Кто Я?».

Стремление к принадлежности и обладанию как регуляторы процесса идентификации. Проводя аналогию с анализом обладания и бытия Э.Фромма (Фромм, 2000), можно задаться вопросом о проявлениях и последствиях каждого из модусов идентификации. Кажется очевидным предположить, что принадлежность, как и бытие в анализе Э.Фромма, – более ресурсный модус, связанный с большим благополучием, переживанием взаимности, общности с другими людьми, поддержкой. Данные в целом поддерживают это предположение. Тем не менее, подчеркнем важное отличие выделенных нами модусов от «иметь» и «быть» в работе Э.Фромма: принадлежность и обладание представляют разные измерения, задающие векторы формирования идентичности. Большой акцент на принадлежности связан с психологическим благополучием, позитивными эмоциями и социальным признанием, но акцент на обладании может быть не менее психологически важен. С позиций психологии телесности оба модуса могут выступать основой для переживания самоидентичности, оценки идентификации как важной для ее актуализации. Поддерживая это предположение, модус обладания, независимо от модуса принадлежности, связан со значимостью и центральностью конкретных идентификаций. Более того, он, хотя и слабо, но связан с завершенностью и целостностью идентичности в целом и – не менее чем принадлежность – с ее развитием. Вероятно, человек, который в формировании своей идентичности регулируется стремлением понимать, контролировать и быть уверенным, больше внимания уделяет поиску важного для себя и чаще достигает целостного видения того, кто и какой он.

Тот результат, что оба модуса не связаны с идентификацией со страной и семьей, но связаны со слиянием идентичности (в случае обладания – только со страной), интересен в свете теории самоверификации [Swann et al., 2009]. У.Сванн предложил понятие слияния идентичности для объяснения экстремального поведения ради группы как альтернативу отказа от своих особенностей, деперсонализации, и сравнения себя с обобщенным прототипом, что было описано при классической идентификации. Согласно модели, при слиянии идентичности и личностное («от меня»), и социальное («от группы») в человеке находятся в тесной связи, взаимно подтверждая и усиливая друг друга. Говоря метафорически, это эмоционально насыщенный процесс, в котором я ощущаю единство с другими, при котором они напоминают мне, кто я, а я им – кто они. С нашей точки зрения, в случае малых групп с тесными непосредственными межличностными связями, таких как семья, этот процесс провоцируется и усиливается стремлением к причастности и принадлежности. В случае же больших групп, как страна, он может быть основан как на причастности, так и на переживании уверенности и контроля.

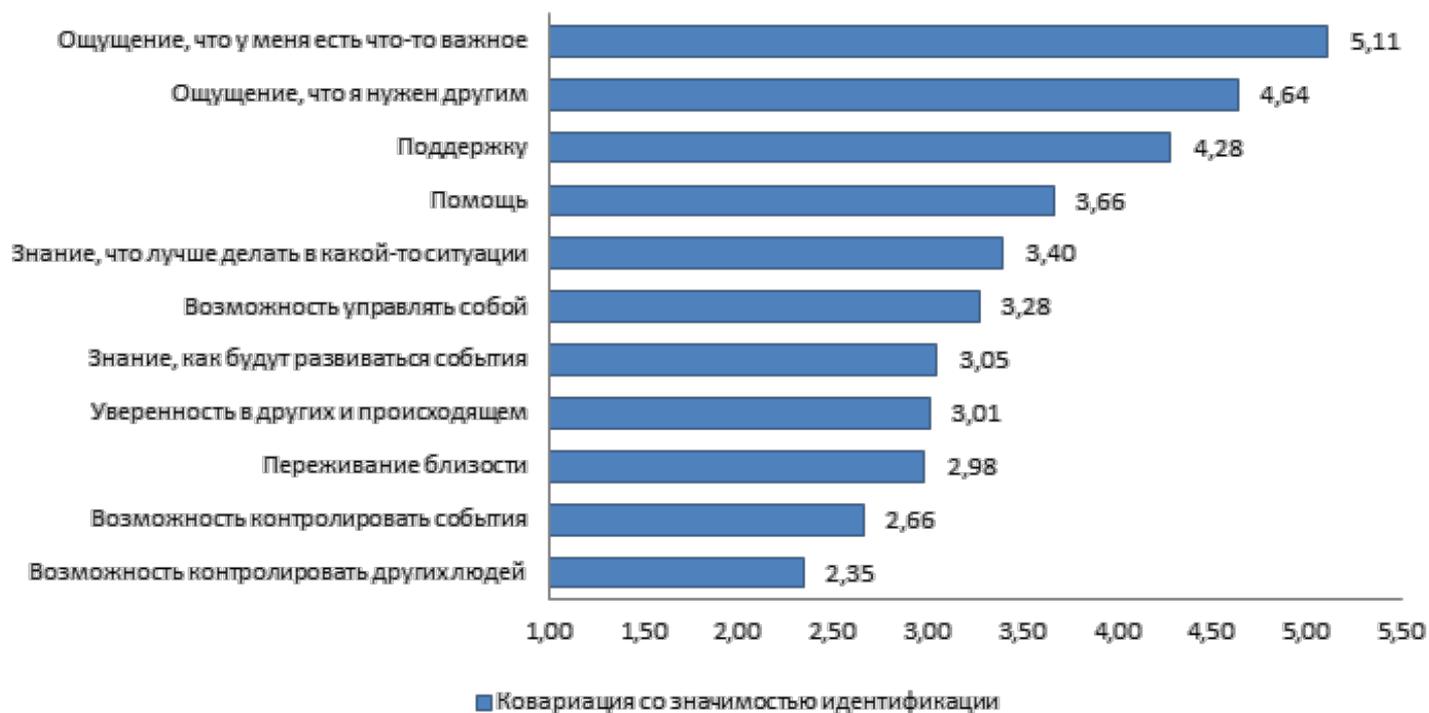
Заключение

Таким образом, анализ связи функций конкретных идентификаций с их субъективной значимостью для человека позволяет дифференцировать относительно независимые модусы обладания и принадлежности как мотивационные основы идентификации. При этом просоциальные мотивы, связанные с переживанием принадлежности, нужности и получением помощи и поддержки, более тесно связаны с важностью идентификаций, нежели мотивы, задающие стремление к управлению собой и событиями. Показано, что при скрининговой диагностике может быть использована упрощенная процедура оценки одного ключевого (субъективно наиболее важного) ответа на вопрос «Кто Я?», хотя она и несколько менее точна. Модус принадлежности связан с психологическим благополучием, позитивными эмоциями и социальным признанием, модус обладания не менее важен для человека. Независимо от стремления к принадлежности, стремление к обладанию связано со значимостью и центральностью конкретных идентификаций, завершенностью, целостностью и развитием идентичности. Оба модуса не связаны с идентификацией со страной и семьей по типу самокатегоризации, но связаны со слиянием идентичности (в случае обладания – только со страной). Обсуждаются возможности дифференциации различных мотивационных процессов идентификации в контексте подхода психологии телесности.

Финансирование

Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект 17-06-00849 «Мотивационные и когнитивно-аффективные факторы формирования идентичности».

Приложение

Рис. 1. Средняя ковариация оценок идентификаций с их субъективной значимостью.

Таблица 1

Диагностика мотивации идентификации на основе оценок трех наиболее значимых ответов на вопрос «Кто Я?»: результаты факторного анализа и анализа надежности-согласованности

Оценка мотивации конкретных идентификаций: «Это дает мне...»	Модусы идентификации на основе ковариаций		Согласованность оценок трех идентификаций (альфа Кронбаха)	Модусы идентификации по сырым оценкам трех идентификаций	
	Модус принадлежности	Модус обладания		Модус принадлежности	Модус обладания
Знание, как будут развиваться события	0,04	0,76	-0,12		0,46–0,78
Ощущение, что у меня есть что-то важное	0,76	0,18	0,62	0,66–0,84	
Возможность контролировать других людей	0,14	0,72	0,42		0,49–0,78
Поддержку	0,80	0,20	0,41	0,80–0,85	
Уверенность в других и происходящем	0,49	0,52	0,43		0,28–0,73
Возможность контролировать события	0,25	0,76	0,27		0,72–0,81
Помощь	0,74	0,28	0,59	0,69–0,90	

Возможность управлять собой	0,35	0,66	0,41		0,54–0,73
Знание, что лучше делать в какой-то ситуации	0,49	0,57	0,71		0,43–0,73
Переживание близости	0,76	0,07	0,46	0,79–0,84	
Ощущение, что я нужен другим	0,76	0,31	0,78	0,68–0,88	
Процент объясняемой дисперсии (после вращения)	32,74%	26,97%	–	26,38%–51,17%	17,33%–32,76%
Среднее	4,08	2,94	–	0,51–0,58	0,43–0,62
Ст. откл.	2,14	1,84	–	0,39–0,41	0,33–0,43
Альфа Кронбаха	0,86	0,82	–	0,82–0,92	0,63–0,84

Таблица 2

Связь модусов принадлежности и обладания с особенностями идентификации и благополучием: результаты корреляционного анализа (приведены только переменные, по которым отмечаются корреляции, значимые на уровне $p < 0,05$)

Методики	Особенности идентификации с благополучием	Корреляция с модусом принадлежности	Корреляция с модусом обладания
Модификация «Кто Я?»	Валентность конкретных идентификаций	0,27**	0,08
	Значимость конкретных идентификаций	0,40**	0,28**
	Центральность конкретных идентификаций	0,30**	0,15*
	Социальное признание конкретных идентификаций	0,24**	–0,02
HS	Субъективное счастье	0,33**	0,11
SCL-90R	Индекс выраженности дистресса	–0,21**	0,02
ШЦДИ	Завершенность и целостность идентичности	0,09	0,13*
	Развитие и поиск идентичности	0,13	0,13*
	Социальное признание идентичности	0,22**	0,09
U-MICS	Приверженность выбору семьи	0,23**	–0,01
	Пересмотр выбора семьи	–0,14*	0,00
	Приверженность выбору страны	0,14*	0,05
	Пересмотр выбора страны	–0,21**	–0,01
Шкала слияния идентичности	Слияние с семьей	0,25**	0,06
	Слияние со страной	0,23**	0,17**

Примечания. * – $p < 0,05$, ** – $p < 0,01$.

Литература

Емелин В.А., Рассказова Е.И., Тхостов А.Ш. Единство и разнообразие процессов формирования идентичности личности. Вопросы философии, 2018, No. 2, 27–38.

Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. 2-е изд. М.: Политиздат, 1977.

Леонтьев Д.А. Понятие мотива у А.Н.Леонтьева и проблема качества мотивации. Вестник Московского университета, Сер. 14, Психология, 2016, No. 2, 3–18.

Марцинковская Т.Д. Современная психология – вызовы транзитивности. Психологические исследования, 2015, 8(42), 1. <http://psystudy.ru>

Осин Е.Н., Леонтьев Д.А. Апробация русскоязычных версий двух шкал экспресс-оценки субъективного благополучия. Материалы III Всероссийского социологического конгресса. М.: Институт социологии РАН, Российское общество социологов, 2008.

Рассказова Е.И., Тхостов А.Ш., Емелин В.А. Идентичность как самоидентичность: индивидуальные вариации ценности завершенности, развития и признания идентичности. Сообщение 2. Вестник Южно-Уральского государственного университета, Сер. Психология, 2015, No. 8(1), 5–16.

Рассказова Е.И., Тхостов А.Ш., Емелин В.А. Слияние и идентификация с социальной группой как различные механизмы формирования идентичности. Вопросы психологии, 2016, No. 3, 69–79.

Соколова Е.Т. Утрата Я: клиника или новая культурная норма? Эпистемология и философия науки, 2014, 41(3), 190–210.

Тарабрина Н.В. Практикум по психологии посттравматического стресса. М.: Когито-центр, 2007.

Тхостов А.Ш., Рассказова Е.И., Емелин В.А. Психодиагностика субъективного восприятия своих идентификаций: применение модифицированной методики «Кто Я?». Национальный психологический журнал, 2014, 2(14), 60–71.

Фромм Э. Иметь или быть. М.: АСТ, 2000.

Crocetti E., Schwartz S.J., Fermani A., Meeus W. The Utrecht-Management of Identity Commitments Scale (U-MICS). Italian validation and cross-national comparisons. European Journal of Psychological Assessment, 2010, 26(3), 172–186.

Derogatis L.R., Savitz K.L. The SCL-90-R and the Brief Symptom Inventory (BSI) in Primary Care. In: M.E. Maruish (Ed.), Handbook of psychological assessment in primary care settings. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 2000. Vol. 236, pp. 297–334.

Gomez A., Brooks M.L., Buhrmester M.D., Vazquez A., Jetten J., Swann W.B. On the nature of identity fusion: insights into the construct and a new measure. Journal of Personality and Social Psychology, 2011, 100(5), 918–933.

Hogg M.A., Reid S.A. Social identity, self-categorization and the communication of group norms. Communication Theory, 2006, Vol. 16, 7–30.

Kuhn M.H. Self-Attitudes by Age, Sex and Professional Training. Sociological Quarterly, 1960, Vol. 1, 39–56.

Lyubomirsky S., Lepper H. A measure of subjective happiness: Preliminary reliability and construct validation. Social Indicators Research, 1999, Vol. 46, 137–155.

Mael F.A., Ashforth B.E. Alumni and their alma mater: A partial test of the reformulated model of organizational identification. Journal of Organizational Behavior, 1992, Vol. 13, 103–123. doi:10.1002/

Stryker S. Identity theory and personality theory: mutual relevance. *Journal of Personality*, 2007, 75(6), 1084–1101.

Swann W.B. Self-verification: Bringing social reality into harmony with the self. In: J. Suls, A.G. Greenwald (Eds.), *Psychological perspectives on the self*. Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1983. pp. 33–66.

Swann W.B., Gomez A., Seyle D.C., Morales J.F., Huici C. Identity fusion: the interplay of personal and social identities in extreme group behavior. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2009, 96(5), 995–1011.

Turner J.C., Reynolds K.J. The Story of Social Identity. In: T. Postmes, N. Branscombe (Eds.), *Rediscovering Social Identity: Core Sources*. New York, NY: Psychology Press, 2010. pp. 13–32.

Vignoles V.L., Regalia C., Manzi C., Colledge J., Scebini E. Beyond Self-Esteem: Influence of Multiple Motives on Identity Construction. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2006, 90(2), 308–333.

Поступила в редакцию 15 июня 2018 г. Дата публикации: 26 августа 2018 г.

[Сведения об авторах](#)

Тхостов Александр Шамилевич. Доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой нейро- и патопсихологии, факультет психологии, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, ул. Моховая, д. 9, стр. 11, 125009 Москва, Россия.

E-mail: tkhostov@gmail.com

Рассказова Елена Игоревна. Кандидат психологических наук, доцент, факультет психологии, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, ул. Моховая, д. 9, стр. 11, 125009 Москва, Россия.

E-mail: e.i.rasskazova@gmail.com

[Ссылка для цитирования](#)

Стиль psystudy.ru

Тхостов А.Ш., Рассказова Е.И. Психодиагностика мотивации идентификации в подходе психологии телесности: дифференциация модусов обладания и принадлежности. *Психологические исследования*, 2018, 11(60), 3. <http://psystudy.ru>

Стиль ГОСТ

Тхостов А.Ш., Рассказова Е.И. Психодиагностика мотивации идентификации в подходе психологии телесности: дифференциация модусов обладания и принадлежности // *Психологические исследования*. 2018. Т. 11, № 60. С. 3. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: чч.мм.гггг).

[Описание соответствует ГОСТ Р 7.0.5-2008 "Библиографическая ссылка". Дата обращения в формате "число-месяц-год = чч.мм.гггг" – дата, когда читатель обращался к документу и он был доступен.]

Адрес статьи: <http://psystudy.ru/index.php/num/2018v11n60/1597-tkhostov60.html>

[К началу страницы >>](#)